

Д. Р. Р. Толкиен

J. R. R. Tolkien

Город богов¹ (1923)

The City of the Gods (1923)

Черный холм, гигантский, крепостной,
Обозримо высится над морем тёмно-синим
Под лазурным небом, и на земле там темной
Жемчугом сверкают на камнях порфирных
Башни белые из мрамора, залы ослепляющие.
Тени темно-желтые дланевидно сходятся
На обветренных камнях стен из слоновой кости
От больших деревьев скал в потемках
громоздящих,
Как резная из камней колоннада свода
Со стволами и верхушкой из базальта черного.
И текут ползуче дни забытые всегда.
И ведут там тени счет часов беззвучно.
Нет ни шепота, ни звука. Мраморные башни
Белы и горячи, чуть пылают, спя.

A sable hill, gigantic, rampart-crowned
Stands gazing out across an azure sea
Under an azure sky, on whose dark ground
Impearled as 'gainst a floor of porphyry
Gleam marble temples white, and dazzling halls;
And tawny shadows fingered long are made
In fretted bars upon their ivory walls
By massy trees rock-rooted in the shade
Like stony chiselled pillars of the vault
With shaft and capital of black basalt.
There slow forgotten days for ever reap
The silent shadows counting out rich hours;
And no voice stirs; and all the marble towers
White, hot and soundless, ever burn and sleep.

¹ Другие названия: Кор (Во граде мертвом и пустом) / Кор (In a City Lost and Dead). Входит в цикл «Легендариум Средиземья», сборник «Книга Утраченных Сказаний. Часть I».

Вечер в Тавробеле¹ (1924)

Когда весна встречает лето,
Земля в боярышник одета.
Дрожащий день к концу сбежит
По солнцу с лестницей его,
Что наполняет лютик светом,
Как кубок яркое вино.
И там танцуют духи света,
Отпив сиянья чаш от неба.
Сейчас их нет: вошла луна,
Кристаллом блещет роса,
Мерцаньем в вечер, самоцветом
На стройных листьях и стволах
Висит. В траве ложится заводь,
Чиста и мелка от прохлад.
Там взгляд и смех от мелких лиц
Из россыпи стеклянной звезд
От отражений или дрожи
Их неизмыслимых глотков,
Полночный полнолуныя аромат
Томит тот жаждой танцем там.

An Evening in Tavrobel (1924)

Tis the time when May first looks toward June.
With almond-scented hawthorn strewn,
The tremulous day at last has run
Down the gold stairways of the Sun,
Who brimmed the buttercups with light
Like a dear wine she spilled bright;
And gleaming spirits there did dance
And sip those goblets' radiance.
Now wane they all; now comes the moon;
Like crystal are the dewdrops strewn
Beneath the eve, and twinkling gems
Are hung on the leaves and slender stems.
Now in the grass lies many a pool,
Infinitesimal and cool,
Where tiny faces peer and laugh
At glassy fragments of the stars
About them mirrored, or from jars
Of unimagined frailty quaff
This essence of the plenilune.
Thirsty, perchance, from dancing all the noon.

¹ Тавробель – в легендарииуме Средиземья город эльфов, расположенный на ближайшем к Аману, западному континенту Арды эльфов и Валаров, острове Тол-Эрессея. Образ городка эльфов Тавробель навеян деревней Грейт-Хейвуд в Стаффордшире. Неподалёку от неё располагался лагерь батальона, где в 1916 году служил Толкиен, а в конце 1916 и начале 1917 он находился там на выздоровлении после того, как заработал окопную лихорадку в боевых действиях во Франции. В ноябре 1916 года он вернулся в Англию и провёл некоторое время в госпитале в Бирмингеме, а к Рождеству смог вернуться в Грейт-Хейвуд к Эдит – в дом под названием «Gipsy Green». Предположительно тогда и было написано стихотворение «Вечер в Тавробеле». Одной из самых ярких параллелей между Тавробелем и Грейт-Хейвудом является наличие двух рек и моста. В Грейт-Хейвуде мост находится в месте слияния рек Соу и Трент, а в Тавробеле – в месте слияния рек Груир и Афрос. Название «Тавробель» встречается и в черновиках «Сильмариллиона» (см. комментарии из многотомного издания черновики Толкиена «История Средиземья»).

Одинокий остров¹ (1924)

Мерцающий остров водою один окружен,
Сквозь дымку от солнца сиянье скалы бледной
видно.
О, все вы, пещеры седые, вас кольцевал стон
От вод зеленых глубоких из южных заливов,
И вы, голоса приливные, журчите всегда, грохоча,
И вы оперенные пены, где берега духи всплывают.
Вы, белые птицы, летящие от берегов шепота,
Что стаи зовут к серебряным берегам, -
Морское, летящее, скорбное воинство,
Что плачет о берегах без причалов всегда,
Печально скользя эти серые воды со свистом своим,
Кружась над путем запредельным моим.

Забывшие грани твои для меня возникают всегда,
Сверкание белой скалы, что там разделяет моря,
И ты, искусство, через туман слезный почетом
увенчано,
Твои берега полны музыки, твои берега
безмятежны –
Приюты старинные многих детей укрыты в цветах,
Пока часовую дугую вниз солнце не сделает шаг,

The lonely isle (1924)

O glimmering island set sea-girdled and alone -
A gleam of white rock through a sunny haze:
O all ye hoary caverns ringing with the moan
Of long green waters in the southern bays;
Ye murmurous never-ceasing voices of the tide;
Ye plumed foams wherein the shoreland spirits ride;
Ye white birds flying from the whispering coast
And wailing conclaves of the silver shore,
Sea-voiced, sea-winged, lamentable host
Who cry about unharboured beaches evermore,
Who sadly whistling skim these waters grey
And wheel about my lonely outward way -

For me for ever thy forbidden marge appears
A gleam of white rock over Sundering seas,
And thou art crowned in glory through a mist of tears,
Thy shores all full of music, and thy lands of ease -
Old haunts of many children robed in flowers,
Until the sun pace down his arch of hours,

¹ В стихотворении речь идет о Тол-Эрессии (дословный перевод названия острова с эльфийского вынесен в заглавие стихотворения), эльфийском острове в легендарииуме Средиземья, расположенном ближе к Аману, западному континенту Арды эльфов и Валаров (см. комментарии к «Вечеру в Тавробеле»).

Когда с тоскующим сердцем в молчании эльфы
Станцуют в узорах из воздуха скрипок и арф.
Внизу великих пустот, во тьме отдалении
Я сильно желаю попасть в ваш сказочный град,
Где через светленные вяза вечернего эха раскат,
Трезвон колокольный от суши из башни высокой.
Прощай, одинокий мерцающий остров!

When in the silence fairies with a wistful heart
Dance to soft airs their harps and viols weave.
Down the great wastes and in a gloom apart
I long for thee and thy fair citadel,
Where echoing through the lighted elms at eve
In a high inland tower there peals a bell :
O lonely, sparkling isle. farewell!

Безымянная земля¹ (1927)

Там источают золотом протяжные огни
В траве, что зеленее, чем в садах,
В деревьях, достающих небо там, что высоки
С листвою серебристой, где видимый размах.
С магической росой они не умирают,
Не блекнут и не падают весь нескончаемый год,
Где полдень вечный там торжественный идет
Над лугом и холмом, и молчаливой заводью.
И сумрак близко не доходит там вечерний,
Где движутся в укрытом хоре голоса вперед
Иль свист там в ткани неожиданный из пенья,
И наполняются леса блуждающим огнём.

И наполняются блуждающим огнём леса,
В полянах вечно зеленью всё светом озаряют.
В лощинах неизменно капает роса
С цветением цветов, что там произрастают.
Там льется музыка мелодий.
Журчат фонтаны, падая, плескаясь.
И светлая вода, что перепрыгивает холмы,
Всё ищет море, где парус не спускался.

The nameless land (1927)

There lingering lights do golden lie
On grass more green than in gardens here,
On trees more tall that touch the sky
With silver leaves a-swinging clear:
By magic dewed they may not die
Where fades nor falls the endless year,
Where ageless afternoon goes by
O'er mead and mound and silent mere.
There draws no dusk of evening near,
Where voices move in veiled choir,
Or shrill in sudden singing sheer,
And the woods are filled with wandering fire.

The wandering fires the woodland fill,
In glades for ever green they glow,
In dells that immortal dewes distill
And fragrance of all flowers that grow.
There melodies of music spill.
And falling fountains splash and flow,
And a water white leaps down the hill
To seek the sea no sail doth know.

¹ Входит в цикл «Легендариум Средиземья», сборник «Утраченный путь и другие истории».

Их голоса долины наполняют низко,
Где носится дыхание к шиповникам и травам,
И пробуждается огонь, идущий к пламени,
Где ветры дуются за краем мира сильно.

Есть языки мерцаний у ходячего огня,
Чьи негасимые цвета отчетливо блистают
На листьях и земле, где нет ей и названья,
И не надеется найти там сердце гавань.
И превозносится без звезд и сновидений тьма,
Там марширует ночь безлунная тоскливо,
Неукротимым шагом воды там обширны.
И пеленой окружены морские берега.

Отсюда в тысячах лиг лежит море,
И в нем цветком виднеется пена
У скал кристалла сеченного светлого
На пляжах сияющих, где веется вольно.

Там дуновенье развеивает волосы свободно,
Цепляющихся светом солнца и луны².
И там запутанные в тех красивых локонах
Сверканья золота и серебра вращаются одни.
Там шаг бьет пусто и ярко,
Ноги проворные в танец пуская,

Its voices fill the valleys low.
Where breathing keen on bent and briar
The winds beyond the world's edge blow
And wake to flame a wandering fire.
That wandering fire hath tongues of flame
Whose quenchless colours quiver clear
On leaf and land without a name
No heart may hope to anchor near.
A dreamless dark no stars proclaim,
A moonless night its marches drear,
A water wide no feet may tame,
A sea with shores encircled sheer.

A thousand leagues it lies from here,
And the foam doth flower upon the sea
'Neath cliffs of crystal carven clear
On shining beaches blowing free.

There blowing free unbraided hair
Is meshed with light of moon and sun,
And tangled with those tresses fair
A gold and silver sheen is spun.
There feet do beat and white and bare
Do lissom limbs in dances run,

² Позже эта строка войдет в песню гномов о Мглистых горах из «Хоббита»: «It meshed with light of moon and sun».

Их ветра и воздуха одеяния -	Their robes the wind, their raiment air –
Чтобы узреть, такая она красота	Such loveliness to look upon
Что не достигнут ни Брендан ³ , ни Бран ⁴ никогда,	Nor Bran nor Brendan ever won,
Чья пена вдали далекого моря	Who foam beyond the furthest sea
Осмелится, прячась за солнце	Did dare, and dipped behind the sun
На ветрах, незримо несущихся вольно.	On winds unearthly wafted free.
Чем Тир-На-Ног ⁵ , более дивен и волен,	Than Tir-nan-Og more fair and free,
Тусклей и далече, чем Рай весь,	Than Paradise more faint and far,
О, берег Тенистого моря!	O! shore beyond the Shadowy Sea,
Край одинокий, где вещи пропавшие есть,	O! land forlorn where lost things are,
О, горы, где не ступал человек,	O! mountains where no man may be!
Священное море на отмелях там, восходя,	The solemn surges on the bar
Через земной край несется ко мне.	Beyond the world's edge waft to me;
Мечтаю узреть звезду капризную я,	I dream I see a wayward star,
Чем маяки в Гондобаре на берегах.	Than beacon towers in Gondobar
Где голову кружит под небом, больше красиво,	More fair, where faint upon the sky
И на отдаленных холмах неизмыслимых красно	On hills imagineless and far
Сгорают, погаснув, желаний светила.	The lights of longing flare and die.

³ Брендан Клонфертский (ок. 484, — ок. 578), прозванный «Мореплавателем» или «Путешественником» — один из тех ранних Ирландских монашеских святых, легенды о которых затмевают реальную историю. Св. Брендан известен главным образом своим плаванием к «Острову Блаженных» (также называемому Тир-На-Ног), описанным в «Путешествии Святого Брендана-Мореплавателя» в IX веке.

⁴ Ирландская сага «Плавание Брана, сына Фебала» рассказывает о воине Бране, который достиг блаженной земли Эмайн-Махи, «Острова женщин», и который не смог вернуться обратно в Ирландию.

⁵ Тир-На-Ног — в кельтской мифологии «остров юных», страна вечной молодости, остров вечной молодости — место, в котором все, по преданию, оставались молодыми, где нет болезней, а климат всегда не жарок и не холоден, нет голода и боли; место жительства Племян богини Дану, именуемых также сидами, и сравниваемых с фейри (феями) или эльфами.

Ты, я и дом потерянной игры¹ (1915)

Ты и я – страну ту знаем мы
И часто были там тогда
В былые долгие от детства дни,
Ребенок белокурый и темное дитя.
Было ль у камина это по стезям мечты
В зимах белоснежных и холодных,
Или в синеве увитых сумерек часы
Кроваток рано лишь уложенных
В летней и дремлющей ночи,
Что во сне мы затерялись, Я и Ты,
И там друг друга встретили -
На ночной рубашке белой темные твои
Волосы и были мои спутанные светлые?

Застенчиво мы рукою об руку бродили
Или в песке волшебном резвились
И собирали ракушки и жемчуг в бадьи,
Пока все в округе везде соловьи
С деревьев певали подолгу.
Мы копались лопатами нашими за серебром
Возле поверхностей мелких среди суши моря,
Через моря спящие к берегу мчались потом,
И спускались вниз по тропе петливой и теплой
И никогда, никогда не находились мы снова
Меж деревьями шепчущимися и высокими.

You & Me and the Cottage of Lost Play (1915)

You and me--we know that land
And often have been there
In the long old days, old nursery days,
A dark child and a fair.
Was it down the paths of firelight dreams
In winter cold and white,
Or in the blue-spun twilit hours
Of little early tucked-up beds
In drowsy summer night,
That You and I got lost in Sleep
And met each other there--
Your dark hair on your white nightgown,
And mine was tangled fair?

We wandered shyly hand in hand,
Or rollicked in the fairy sand
And gathered pearls and shells in pails,
While all about the nightingales
Were singing in the trees.
We dug for silver with our spades
By little inland sparkling seas,
Then ran ashore through sleepy seas,
And down a warm and winding lane
And never, never found again
Between high whispering trees.

¹ Ранний вариант стихотворения «Дом утраченной игры», который входит в цикл «Легендарииум Средиземья», сборник «Книга Утраченных Сказаний. Часть I». Дом потерянной игры, также именуемый в легендарииуме Средиземья домом детей или домом игры сна (the Cottage of the Children / the Cottage of the Play of Sleep), – дом на острове Тол Эрессеа, принадлежащий Линдо, эльфу-сказителю, куда пришел прибывший морем на остров Эльфине Видласт, прозванный Эриолом островитянами, английский моряк и менестрель на службе у рыцаря короля Эадварда (сына Альфреда Великого), выучивший наизусть и записавший многие эльфийские сказания в переводе на родной язык после возвращения на родину (согласно «Запискам клуба «Мнение»» Толкиена).

Не было в дуновеньи ни ночью, ни денно,
Но был сумрак бледный в свете прелегчайшем,
В первый раз когда брезжил перед взором нашим
Дом игры потерянной.

Был давным-давно построен он старинный
Белый, и соломой золотой покрытый
И пройденный прорастающей оградой,
Что смотрела к морю изобильно;
И ребяческие садики собственные наши
Были там – наши незабудки чистые,
Маргаритки красные, кресс-салат, горчица,
И лазурные родные немофилы.

О, бордюры все, отделанные рамой, плотно
Милыми цветками были в изобилье – флоксами,
Шпорником, гвоздиками, штокрозами
Под боярышниковым красным деревом;
И заполнены все пути силуэтами были
Копошашимися, счастливыми, одетыми снежно,
И мы, Ты и Я, с ними.

У некоторых были лейки из серебра
И всходы свои они поливали
Иль окропляли друг в друга; другие строили планы,
Как домики строить им, сказочные города
Иль в кронах деревьев обители;
И на крышу лез кто-то,
А кто-то гулял одиноко и отчужденно;

The air was neither night or day,
But faintly dark with softest light,
When first there glimmered into sight
The Cottage of Lost Play.
'Twas builded very very old
White, and thatched with straws of gold,
And pierced with peeping lattices
That looked toward the sea;
And our own children's garden-plots
Were there--our own forgetmenots,
Red daisies, cress and mustard,
And blue nemophile.

O! All the borders trimmed with box
Were full of favourite flowers--of phlox,
Of larkspur, pinks, and hollyhocks
Beneath a red may-tree;
And all the paths were full of shapes,
Of tumbling happy white-clad shapes,
And with them You and Me.

And some had silver watering-cans
And watered all their gowns,
Or sprayed each other; some laid plans
To build them houses, fairy towns,
Or dwellings in the trees;
And some were clambering on the roof;
Some crooning lonely and aloof;

Кто-то водил хороводы волшебные дружные,
И заплетали венки из маргариток жемчужные
Или носились за пчёлками золотыми.
Но там и тут была малышей пара
С красными щёчками и спутанными волосами
Дела детские старые обсуждали чудные -
И Ты, и Я, мы одни из них были.

Но почему же время это пришло,
Когда по дороге больше не можем отправиться мы,
Хоть долго смотрели и забираться могли высоко
Иль взглядеться с берегов тех морских,
Чтобы найти путь меж морем и небесами
К тем старым садам очарованья;
И как в той стране оно проходит сейчас,
Если дом и сады там стоят,
Всё ещё детворой, снежно одетой, наводнены -
Ты и Я, не знаем то мы.

И почему же Завтра пришло
И своей серой рукой нас назад отвело;
И вновь никогда мы не сможем найти почему
Дом старый иль волшебства ту тропу,
Что ведёт через море серебряное,
И эти сады, и старое побережье,
Где остальное всё есть, что там было всегда, -
Не ведаем мы, Ты и Я.

And some were dancing fairy-rings
And weaving pearly daisy-strings,
Or chasing golden bees;
But here and there a little pair
With rosy cheeks and tangled hair
Debated quaint old childish things--
And we were one of these.

But why it was there came a time
When we could take the road no more,
Though long we looked, and high would climb,
Or gaze from many a seaward shore
To find the path between sea and sky
To those old gardens of delight;
And how it goes now in that land,
If there the house and gardens stand,
Still filled with children clad in white--
We know not, You and I.

And why it was Tomorrow came
And with his grey hand led us back;
And why we never found the same
Old cottage, or the magic track
That leads between a silver sea
And those old shores and gardens fair
Where all things are, that ever were--
We know not, You and Me.

The clerk's complaint (1922)

When October with his dark showers
has drained the earth, and wet winds whine
and sigh in naked branches cold and bare,
and the old sun is long since gone from here;
when misty black clouds mingled with smoke
blind their eyes and choke their throats,
and frosty Eurus with his keen teeth
bites each forwardred man who flees him,
and wretched cats wail at whiles,
that do not sleep but wander on the tiles
(so spurs them Nature in their hearts),
then people think of doing something advantageous,
and seek themselves fair education
in the first days of term:
and especially from the ends of every shire
in all the North they go down to Leeds,
and in the fairest town of Yorkshire
seek the deep and pure well of learning.
In that dim and dreary season it befell
that in Leeds as I sat at the doors
in the morning were come into those high halls
in my company well-nigh five hundred
new clerkes in an eager crowd,
that would learn old languages, I guess,
of France or England or Spain or Russia,
the hard tongues of High Germany and Prussia,

Жалоба клерка (1922)

Когда октябрь с его угрюмыми ливнями¹
Пускается в землю, и ветры мокрые ноют,
И плачут, дыша в ветвях холодных и голых,
И солнце ушло давно отсюда старинное;
Когда облака туманного мрака собираются в дым,
Что ослепляют глаза и душат всем горло,
И с зубами своими острыми Эвр морозный
Кусает попутчика всякого, что мчится с ним,
И воют несчастные кошки по временам,
Что не дремлют на черепицах, но бродят
(Так побуждает в сердцах их Природа),
Думает люд о делах интересных тогда,
И сам справедливое ищет образование
В дни семестровые ранние:
И из концов особенно каждого графства
Вниз во всем Севере в Лидс² он доходит,
И в прекраснейшем йоркширском городе
Ищет глубокий чистый колодец познания.
Случилось в сезоне этом унылом и тусклом
То в Лидсе, когда я сидел у дверей и у входов:
В эти залы высокие прибыли утром
В моей компании пять сотен почти
В нетерпеливой толпе клерков новых,
Что языки вековые узнать бы могли,
Полагаю, России, Франции, Англии или Испании,
Языки трудные Пруссии, верхней Германии,

¹ Пародия на первые строки "Кентерберийских рассказов" Чосера: "Когда Апрель обильными дождями...". В пародии Толкиен передвигается на полгода вперед, в октябрь, в противοцикл апрелю.

² Город, где жил Толкиен и в университете которого преподавал в 1920-1925 годах.

or history, or quaint terms of law;
yet there was but little Latin in their bellies,
and there were, alas, even fewer bold men
that thought to wrestle with the tongue of Greece,
or make their heads ache with ethics,
and with melancholy philosophy.
But yonder was a crowd so tightly packed
that I could hardly count those young clerks
that would learn how here in deep vessels
with strange smell men seethe and steep hides,
and weave wool in soft and fair webs;
and burn coal without polluting the air;
and a great crowd sought mathematics,
and fragrant chemistry and sly physics,
and many a strange science by the way,
of flowers, fish, and old stones.
The many voices there made such a din,
the hot air shook, and many a pin
unheard there fell upon those wide floors,
until one cried shrilly beside my ear
of fees and of examination,
and asked of matriculation,
and whether I had by God's full fair grace
by chance happened to pass it.
Though I had more than thrice ten skills (lit. masters)
and the wisdom of a heap of learned men
that were knowledgable and curious for learning,
yet I had no command, no more than a mouse has,

Иль историю, иль чудных условий закона;
Ещё было внутри них латыни немного,
Там было еще мужчин меньше смелых, увы,
Что помышляли с греческой речью бороться,
Иль с этикой их боль головную свести,
И наряду с меланхолической философией.
Но вон была там так туго набита толпа,
Что я сосчитать мог тех юношей-клерков едва,
Что могли бы узнать, как в сосудах глубиннейших
здесь
С запахом странным варят и погружаются люди
В тайны, и в мягких и ясных полотнах ткут шерсть;
И воздух не загрязняя, жгут уголь;
И математику ищут много великих,
И физику хитрую, и ароматную химию
И, кстати, науки многие странные
И рыб, и цветов, и камней старых.
Гул такой голосов составляли множество там,
Воздух горячий дрожал, и мелочи много
Неслышимо пало на этажах тех широких
Пока рядом с ухом моим кто-то не закричал
Пронзительно о платеже и рассмотрении,
И о зачисленьи в учебное высшее заведение,
Приходилось ли мне по справедливой и полной
Его проходить случайно милостью Божьей.
Хоть моих десять навыков в три раза больше,
С мудростью литературы учёнейших многих,
Мастеров, что в учении значимы были, пытливы,
Ещё не было мне команды больше, чем мыши,

of such book-language, nor did I know what he meant;
and swiftly men sent me from the halls
to stay a whole year outside the gate
and complain of my unkind fate;
to dwell outside the gates for a whole year,
not daring to drink from that clear well.

Той книжной речи, что в виду он имел, я не знаю;
При том; и быстро отправил меня люд из зала
На целый год за вратами остаться
И на мою судьбу лютую жаловаться,
И за вратами на целый год жить,
Из той кладези ясной не смея отпить.

Once upon a day on the fields of May
there was snow in summer where the blossom lay;
the buttercups tall sent up their light
in a stream of gold, and wide and white
there opened in the green grass-skies
the earth-stars with their steady eyes
watching the Sun climb up and down.
Goldberry was there with a wild-rose crown,
Goldberry was there in a lady-smock
blowing away a dandelion clock,
stooping over a lily-pool
and twiddling the water green and cool
to see it sparkle round her hand:
once upon a time in elvish land.

Once upon a night in the cockshut light
the grass was grey but the dew was white;
shadows were dark, and the Sun was gone,
the earth-stars shut, but the high stars shone,
one to another winking their eyes
as they waited for the Moon to rise.
Up he came, and on leaf and grass
his white beams turned to twinkling glass,
and silver dripped from stem and stalk
down to where the lintips walk
through the grass-forests gathering dew.
Tom was there without boot or shoe,

На майских полях днем однажды давно
Было летом бело, где цветенье легло;
Лютики свет свой услали высокий
В широком и снежном из злата потоке.
Открылись в зеленом покрове травы
С очами спокойными звездовики
Взирая солнца восход и закат.
Золотинка с короной шиповника там,
Средь сердечников луговых там была,
Одуванчик созревший сдувая в ветра,
Склонившись над озерцом в лилиях
Зеленой водой крутя, невозмутимой -
Узреть у руки сверканье её:
Когда-то в земле эльфийской давно.
Ночью однажды в сумрачном свете
Трава серой была, но роса побелела;
Солнце ушло, и тени темнели,
Закрылись звездовики, но блестели
Высокие звезды, друг к другу моргая
Очами, взойти при луне ожидая.
Вот та взошла, и бело на листве
Лучи её сверкали стеклом и в траве,
И капало серебро со ствола и стебля
Вниз, где бродят линтипы¹, туда,
Сбирая росу, насквозь леса трав,
Без туфель был Том босой там,

¹ Маленькие существа, обитающие в траве, – изобретение самого Толкиена. Точное происхождение этих существ неизвестно, но возможно, что они могли относиться к сверхъестественным народам фэйри из кельтской и германской мифологий.

with moonshine wetting his big, brown toes:
once upon a time, the story goes.

Once upon a moon on the brink of June
a-dewing the lintips went too soon.
Tom stopped and listened, and down he knelt:
'Ha! little lads! So it was you I smelt?
What a mousy smell! Well, the dew is sweet,
so drink it up, but mind my feet!'
The lintips laughed and stole away,
but old Tom said: 'I wish they'd stay!
The only things that won't talk to me,
say what they do or what they be.
I wonder what they have got to hide?
Down from the Moon maybe they slide,
or come in star-winks, I don't know:
Once upon a time and long ago.

(1965)

При луне промокнув свои ноги большие:
Когда-то давно, рассказ наш продлится.

Однажды давно при июньской луне
Линтипы рано спешили в росе.
Встал Том и услышал, склонился к земле:
«Ха! Малыши? Что чую невдалеке?
Какой робкий запах! Что ж, сладка роса,
Так пейте, но берегитесь моих ног тогда!»
Ускользнули линтипы и рассмеялись,
Но старина молвил: «Хочу, чтоб остались
Они! Только что-то, что мне не расскажет,
Молвит, что они делают иль что есть даже.
Интересно, что у них есть, чтобы скрыть?
Скользили они ль вниз с луны², может быть,
Иль пришли в звездных мгновеньях, не знаю:
Когда-то давным-давно и однажды».

(1965)

² Аллюзия на тему обитания на Луне сверхъестественных персонажей – таких, как, например, Лунного Человека, известного в английском, немецком и скандинавском фольклорах. Небезызвестный Толкиену английский средневековый поэт Джеффри Чосер «в «Завещании Крессиды» упоминает Человека на луне и связывает его появление там с воровством. Он говорит, что на груди леди Синтии, или луны, нарисован крестьянин, несущий на спине вязанку хвороста, который за свою кражу вынужден был забраться так высоко» (Сабин Баринг-Гоулд. Мифы и легенды Средневековья. М. Центрполиграф. 2009г. – «Глава 9. Человек на Луне»). В творчестве Толкиена тема Лунного Человека также нашла отражение в сборнике стихов "Приключения Тома Бомбадила и другие истории", в песенке хоббитов в Бри из «Властелина Колец» и в других произведениях.

From Iffley (1913)

From the many-willow'd margin of the immemorial
Thames,

Standing in a vale outcarven in a world-forgotten day,

There is dimly seen uprising through the greenly veiled
stems,

Many-mansion'd, tower-crownéd in its dreamy robe of
grey,

All the city by the fording: agéd in the lives of men,

Proudly wrapt in mystic mem'ry overpassing human
ken.

Из Иффли¹ (1913)

Из поросших ивами Темзы старинных берегов,

Стоящих в долине, в забытый миром день
сточенной,

Сквозь зеленых стеблей покров неясно видно
восход,

В одеянии серости дивном, увенчанный башнями,
многоособняковый,

Людскими жизнями град старый весь у переправы,

Гордо окутан в тайную память сверх круга
людского познания.

¹ Иффли – небольшая деревня к югу от Оксфорда, из которой до города можно пройти примерно за полчаса. Изначально данное стихотворение состояло из двух строф, которые описывали Оксфорд и были посвящены ему. Но при публикации редактор журнала «Stapledon Magazine» Эксетер-Колледжа, в котором опубликовалось оно в декабре 1913 года, утратил как название, так и вторую строфу.

Looney (1934)

“Where have you been; what have you seen
Walking in rags down the street?”
“I come from a land, where cold was the strand,
Where no men were me to greet.

I came on a boat empty afloat.
I sat me thereon; swift did it swim;
Sail – less it fled’ oar – less it sped;
The stony beaches faded dim.

It bore me away, wetted with spray,
Wrapped in the mist, to another land;
Stars were glimmering; the shore was shimmering,
Moon on the foam, silver the sand.
I gathered me stones whiter than bones,
Pearls and crystals and glittering shells;
I climbed into meadows fluttered with shadows,
Culling there flowers with shivering bells,
Garnering leaves grasses in sheaves.
I clad me in raiment jewel – green,
My body enfolded in purple and gold;
Stars were in my eyes, and the moonsheen.

There was many a song all the night long
Down in the valley, many a thing
Running to and fro: hares white as snow,

Лунатик¹ (1934)

"Где вы были; что видели вы,
Гуляя в лохмотьях по улице вниз?"
"Где холоден брег был, пришел я с земли,
Где меня не приветствовал человек ни один.

На челне я пришел, на плаву и пустом.
Я сидел сам с собой; быстро сплавился он;
Парус меньше бежал, так же мчалось весло;
Каменистые пляжи тускнели темно.

Промокшая с пылью воды, она меня прочь отнесла
В иную страну, что укрылась в туман;
Звезды брезжили; берег мерцал,
Серебрился песок, над пеной светила луна.
Я камни белее, чем кости, себе собирал,
Жемчуг, кристаллы, ракушки сверкавшие;
Я забрался на луга, с тенями потрясшие,
Собиравших цветы с колоколами дрожащими там,
Запасенные листья срастались в пучки.
В наряд драгоценного камня зеленый я облачился,
В порфиру и золото тело мое охватилося;
В моих глазах были звезды и свет луны.

Много всю ночь там было песни
Внизу в долине, много чего,
Бегущих туда и сюда: как снег, зайцев белых,

¹ Ранний вариант стихотворения «Колокол моря», вошедшего в сборник стихов «Приключения Тома Бомбадила и другие истории».

Voles out of holes, moths on the wing
With lantern eyes. In quiet surprise
Badgers were staring out the dark doors.
There was dancing there, wings in the air,
Feet going quick on the green floors.
There came a dark cloud. I shouted around;
Answer was none, as onward I went.
In my ears dimmed a hurrying wind;
My hair was a – blowing, my back was bent.
I walked in a wood; silent it stood
And no leaf bore; bare were the boughs.
There did I sit wandering in wit;
Owls went by their hollow house.

I journeyed away for a year and day –
Shadows were on me, stones beneath –
Under the hills, over the hills,
And the wind a-whistling through the heath.
Birds there flying, ceaselessly crying;
Voices I heard in the grey caves
Down by the shore. The water was fore,
Mist was there lying on the long waves.

There stood the boat, still did it float
In the tide spinning, on the water tossing.
I sat me therein; swift did it swim
The waves climbing, the seas crossing.
Passing old hulls clustered with gulls,

Полевок из нор, на крылах мотыльков
С очами фонарными. И в удивленьи
Тихом взирали из темных дверей барсуки.
Там танцевали: в воздухе крылья,
По зеленому полу шедшие быстро шаги.
Туда прибыло облако темное. Всюду кричал
Я; в ответ ничего, вперед прошелся пока.
Тускнел ветер спешащий в моих ушах;
Волосы были развеяны, гнулась спина.
Гулял я в лесу; тот молча стоял,
Не родилась листва; и сучья там наги
Были. Сидел я, бродя в остроумии там;
Совы мимо пустого своего дома мчали.

На день и год далеко отправился я -
На меня тени легли, камни внизу
У холмов и за ними же там²,
И ветер, свистящий по пустырю.
Там птицы летали, крича непрестанно;
В серых пещерах услышал я голоса
По берегу вниз. Вода была дальше,
Туман там лежал на длинных волнах.

Там доселе баркас, на плаву что пробыл,
Носясь на воде, во вращеньи теченья стоял.
Я уселся туда; и он быстро поплыл
Поперёк глади моря и восходя по волнам,
Проплыв теснимые чайками остовы ветхие,

² Позже эти строки войдут в песню гномов о Мглистых горах из «Хоббита» в измененном виде: «We must away, ere break of day», «They fled their hall to dying fall. // Beneath his feet, beneath the moon».

And the great ships laden with light,
Coming to haven, dark as a raven,
Silent as owl, deep in the night.

Houses were shuttered, wind round them muttered;
Roads were all empty. I sat by a door
In pattering rain, counting my gain:
Only withering leaves and pebbles I bore,
And a single shell, where I hear still the spell
Echoing far, as down the street
Ragged I walk. To myself I must talk,
For seldom they speak, men that I meet.”

И корабли большие, светом груженные,
К черной, подобно ворону, гавани шедших,
Тихой, как филин, глубоко ночью.

На ставни закрылись дома, вокруг них ветер бурчал;
Пусты все были дороги. Уселся я у двери
В барабнящем ливне, свой грош отсчитав:
Мной несомые листья увядшие и галька лишь,
Да ракушка, где слышу ещё заклинанье, одна,
Эхо вторящая далеко, пока по улице рваный
Я хожу вниз. Болтать себе должен я,
Ибо мне молвят, кто мне повстречался, нечасто”.

The Shadow Man (1936)

There was a man who dwelt alone
beneath the moon in shadow.
He sat as long as lasting stone,
and yet he had no shadow.
The owls, they perched upon his head
beneath the moon of summer:
They wiped their beaks and thought him dead,
who sat there dumb all summer.
There came a lady clad in grey
beneath the moon a-shining.
One moment did she stand and stay
her head with flowers entwining.
He woke, as had he sprung of stone,
beneath the moon in shadow,
And clasped her fast, both flesh and bone;
and they were clad in shadow.
And never more she walked in light,
or over moonlit mountain,
But dwelt within the hill, where night
is lit but with a fountain –
Save once a year when caverns yawn,
and hills are clad in shadow,
They dance together then till dawn
and cast a single shadow.

Человек-тень¹ (1936)

Был человек, один кто обитал там
Средь тени под луною.
Сидел тот долго, как прочный камень, так
И тени не имел он всё же.
Населись совы под летнюю луной,
Они на голове его:
Протерли клювы и думали: он мертвый,
Сидел там нем все лето кто.
Одетая в серость, блестевшей луной
Пришла туда дама.
В момент один застыла и встала
Она, с обвитой цветами главой.
Под луной он проснулся,
Как треснувший камень, в тени,
И обхватил ее быстро, с костями и плотью;
И в тень одеты были они.
И никогда снова в свет не гуляла
Иль по горе, что луною залита,
Она, но в холме² обитала,
Где ночь, но с фонтаном, лучится -
Кроме в год раза, зияют пещеры
Когда, и в тени одеты холмы,
Тогда до восхода танцуются вместе
И бросают одну тень они.

¹ Ранний вариант стихотворения «Невеста-тень», вошедшего в сборник «Приключения Тома Бомбадила и другие истории».

² Отсылка на народец фейри, обитающий в холмах. Фейри – в фольклоре германских и кельтских народов, прежде всего – шотландцев, ирландцев и валлийцев, общее наименование сверхъестественных существ. К фейри относятся эльфы и Дини Ши, Тилвит Тег, Благой и Неблагий Дворы, Феи, Брауни, и многие другие.

Noel (1936)

Grim was the world and grey last night:
The moon and stars were fled,
The hall was dark without song or light,
The fires were fallen dead.
The wind in the trees was like to the sea,
And over the mountains' teeth
It whistled bitter-cold and free,
As a sword leapt from its sheath.

The lord of snows upreared his head;
His mantle long and pale
Upon the bitter blast was spread
And hung o'er hill and dale.
The world was blind, the boughs were bent,
All ways and paths were wild:
Then the veil of cloud apart was rent,
And here was born a Child.

The ancient dome of heaven sheer
Was pricked with distant light;
A star came shining white and clear
Alone above the night.
In the dale of dark in that hour of birth
One voice on a sudden sang:
Then all the bells in Heaven and Earth
Together at midnight rang.

Рождество (1936)

Мрачен и сер был мир ночью прошлой,
Луна и звезды ушли.
Был зал без песни и света темным,
И мертвыми пали огни.
Ветер в деревьях был будто в море,
И над зубищами гор
Он свистнул холодно-горько и вольно,
Как с ножен скакнувший клинок.

Владыка снегов поднял голову,
Плащ его длинный и бледный
Устлался на дуновении горьком
И к холму, и к долу был свешен.
Был слеп мир, ветви сгибались,
Были дикими тропы, пути все:
Тогда покров облака врозь сорвался,
И дитя рождено было здесь.

Прозрачных небес купол древний
Был светом пронизан далёким;
Звезда пришла, ясно и бело,
Выше ночи светя одиноко.
В доле мглы один глас
Запел вдруг в тот час рождения:
На земле и на небе колокола
Все тогда вместе в полночь звенели.

Mary sang in this world below:

They heard her song arise

O'er mist and over mountain snow

To the walls of Paradise,

And the tongue of many bells was stirred

In Heaven's towers to ring

When the voice of mortal maid was heard,

That was mother of Heaven's King.

Glad is the world and fair this night

With stars about its head,

And the hall is filled with laughter and light,

And fires are burning red.

The bells of Paradise now ring

With bells of Christendom,

And Gloria, Gloria we will sing

That God on earth is come.

Внизу в мире этом Мария запела:

Её песни слышали восхождение

Над туманом и горным снегом

Многие до стен Эдема,

И многих колоколов язык взбился

В башнях из Рая, звеня,

Лишь смертной девы глас был услышан,

То была мать Христа.

В ту ночь прекраснейшим мир был и весел

Вкруг его верха со звездами,

И зал наполнен смехом и светом,

И огни пылают червлёным.

Тотчас звенят колокола Рая

С колоколами царства Христа,

И будем мы петь Всевышнюю Славу,

Чтоб Бог на землю предстал.

Princess Ní (1924)

O! the Princess Ní,
Slender is she:
In gossamer shot with gold,
And splintered pearls
On threaded curls
Of elfin hair, 'tis told.
She is wanly clad;
But with myriad
Fireflies is she girdled,
Like garnets red
In an amber bed,
While her silver slippers, curdled
With opals pale,
Are of fishes' mail—
How they slide on the coral floor! —
And over her frock
She wears a smock,
A feathery pinafore,
Of the down of eiders
With red money-spiders
Broidered here and there.
O! the Princess Ní,
Most slender is she,
And lighter than the air.

Принцесса Ни¹ (1924)

О, Принцесса Ни та,
Стройна она:
В переливе златом ткани тонкой
И в рассыпанных жемчугах
На локонах переплетенных
В эльфийские волосы, говорят.
Облачена она бледно,
Но вкупе с несметным
Числом светляков опоясана та,
Словно гранатами красными,
В кровати янтарной она,
Пока туфли ее сребротканые,
В опалах сгущенные тускло,
Из рыбной кольчуги
По полу в кораллах скользят! -
И поверх того платьица
Носит блузу красавица,
На перышках сарафан,
Из пуха гаги
С шитыми мизгирями
Тут и там на узорах багровых.
О! Принцесса Ни та,
Престройна она,
И легче, чем воздух.

¹ Ранний вариант стихотворения «Принцесса Ми», вошедшего в сборник «Приключения Тома Бомбадила и другие истории».

For W. H. A. (1967)

Among the people of earth one has poetry in him,
fashions verses with art; one is fluent in words,
has persuasive eloquence sound and lucid;
one is a reader of books and richly stores
his mind with memory of much wisdom
and legends of old that long ago
were learned and related by loremasters;
one is a mate to choose, a man to trust,
Who friendship's call faithfully answers.
Another I know of noble-hearted,
to whom all these gifts in his early days
the favour of Fate freely granted.
Now wide is his renown. Wystan his name is,
as it once was also of the Wægmunding
in his far country, father of Wiglaf
most loyal of lieges, and in later time
of Wighelm's son who in war was slain
at Byrhtnoth's side by the Blackwater.
in the famous defeat. He follows after,
and now anew that name uses
to his own honour. Auden some call him,

К У.Х. Одену¹ (1967)

Средь людей земли в ней один обладает поэзией,
Создает **вирши** искусно; в словах он речист,
Убедительно звучное и вразумительное
красноречье имеет;
Чтец он роскошных лавок и книг.
С памятью древних легенд и немалой
Мудрости разум его, что прежде
Изучались и связывались знатоками;
Человек для доверья, товарищ избранья,
Кто ответит на зов дружеский верно.
Благородного сердцем, иного я знаю,
Все к кому те дары в дни его ранние
Свободно судьбы расположение жалует.
Теперь известность его широка. Уистен прозваньё
Его, как из Вегмундингов было также
В его далекой стране, отец Виглафа²
Из вассалов вернейший, и в позднее время
Сын Вигхельма³, кто убит был в войне
У Черной Воды у Бюрхтнота⁴ на стороне
В известном разгроме. Он идет с ним позднее,
И ныне употребляется имя заново то
В его свою честь. Зовут того многие Оденом,

¹ Уистен Хью Оден (1907 – 1973), англо-американский поэт, был давним другом Джона Толкиена, который часто с ним переписывался. В письме к Роберту Х. Бойеру от 25 августа 1971 года Толкиен писал: «Я считаю его одним из самых хороших моих друзей, при том, что встречаемся мы так редко, вот разве что письмами обмениваемся, да он мне свои книги дарит. Я пытался отблагодарить его и отчасти выразить свои чувства, написав хвалебное стихотворение на древнеанглийском, что было опубликовано в выпуске «Шенандоа», посвященном его шестидесятилетию».

² Имеется в виду Уистан Вегмундинг, персонаж древней англосаксонской поэмы «Беовульф», отец Виглафа, родича Беовульфа.

³ Имеется в виду один из павших в битве при Мэлдоне, совершенной между викингами и англосаксами, в которой первые победили последних, упоминается в одноименной поэме: «Вскочил тогда Вистан, // Турстана потомок, // и стал он биться // и в гуще погибельной // троих врагов сразил он, // и пал сын Вигхельма // рядом с викингами» (Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 155).

⁴ Предводитель англо-саксонских войск в битве при Мэлдоне, эрл, погибший в сражении с викингами; ему посвящена стихотворная историческая пьеса Толкиена "Возвращение Беорхтнота, сына Беорхельма".

and so among men may he be remembered ever,
where as they sit by themselves for solace of heart
the word-lovers, wise and skilful,
revive the vanished voices of makers.
These lines about you I linked together,
though weighted by years, Wystan my friend:
a tardy tribute and token of thanks.

Enigmata Saxonica Nuper Inventa Duo (1923)

I.

In marble of milk-white are
my walls wonderfully wrought;
a delicate garment is hung within,
just like silk; since in the middle
desire is filled, water glass-clear;
There glistens gold-laden in still streams
the shiniest apple. No one has entered
my fortress fast; nevertheless will burst
thirsty thieves in my splendid hall,
if that treasure reave -- say what I'm called!

II.

Hild Hunecan hath a white tunic,
and hath a ruddy nose as red as a rose;
the longer she bideth, the lesser she riseth;
her tears glowing hot on a twig lividly
burning fall dead and in brightness freeze;
say what she is, man of wisdom.

Так всегда и средь людей, может, помниться будет,
Он, где для сердца успокоенья по себе сидят сами
Умелые словолюбы и мудрые,
Голоса возрождают поэтов пропавшие.
Эти строки о вас я друг с другом вяжу,
Хоть и взвешенные по годам, Уистен, мой друг:
Запоздалая дань и знак благодарности.

Две англосаксонские загадки, недавно открытые
(1923)

I.

В мраморе молочно-белого
Мои отделаны стены чудесно;
Тонкий покров внутри свис,
Так же, как шелк; враз со средин
Жажда сытится, ясна стеклянню вода;
Там груженное золотом в тихих потоках
Блестит яблоко яркое. Быстро туда
В мою крепость никто не входил; всё ж воры
Жаждающие прорвутся в прекрасный мой зал,
Коль клад тот похитишь – как звать меня, молви!¹

II.

Тунику белую Гуникан Хильда имеет
И румяный нос красный, как роза;
Чем дольше ждет та, тем менее встанет;
Рдеют пылко на ветке слезы синюшно
Её, в блеске мороза и павших усопших сжигая;
Кто же она, скажи, мудрец, ну же.²

The Corrigan

‘Mary on earth, why dost thou weep?’

‘My little child I could not keep:

A corrigan stole him in his sleep,

And I must weep

4

To a well they went for water clear,

In cradle crooning they left him here,

And I found him not, my baby dear,

Returning here.

8

In the cradle a strange cry I heard.

Dark was his face like a wrinkled toad;

With hands he clawed, he mouthed and mowed,

But made no word.

And ever he cries and claws the breast:

Seven long years, and still no rest;

Unweaned he wails, though I have pressed

My weary breast.

16

O Mary Maiden, who on throne of snow

Thine own babe in thine arms dost know,

Joy is round thee; but I have woe

And weep below.

20

Thy holy child thou hast on knee,

But mine is lost. A! where is he?

Корриган¹ (1930)

«Мэри, что ж плачешься ты на земле?»

«Не сберегла я своё дитя малое

Корриган его украла во сне,

И я плачу, рыдаю.

4

Ходили к колодцу за светлой водой,

В колыбели напев, его ставили там,

И его не нашла я, дитя дорогое моё,

Возвращаясь сюда.

8

Слышала я в колыбели крик странный.

Там стемнело лицо как измятая жаба;

Мямлил, корчился он, руками царапался,

Но не молвил и слова.

И он грудь всё кричит и хватает

Семь долгих лет, и доселе нет отдыха.

Безгрудный стонет он, хоть я сжимаю

Грудь мою тяжкую.

16

О, дева Мария на белоснежном престоле,

В руках своих знаешь крошку свою,

Радость вокруг вас; но есть моё горе,

И я плачу внизу.

20

На коленях святое дитя у тебя,

Но моё потерялось. Ах! Оно где?

¹ Корриган – в бретонском фольклоре в одних его вариантах проказливые карлики сродни лютенам (ночные существа маленького роста и крайне проказливого характера из французского фольклора), в других – феи-хранительницы местных ручьев и источников. Двухчастная поэма Толкиена о корриган послужила основой для сюжета "Баллады об Аотру и Итрун" (1930).

Mother of pity, pity me

Who cry to thee!’

24

‘Mary on earth, do not mourn!

Thy child is not lost. He will return.

Go to the hermit that dwells by the burn,

And counsel learn.’

28

‘Why dost thou knock? Why dost thou weep?

Why hast thou climbed my path so steep?’

‘My little child I could not keep,

And ever I weep.’

32

‘Bid them grind an acorn, bid them feign

In a shell to cook it for master and men

At midday hour. If he sees that then,

He will speak again.

36

And if he speaks, there hangs on thy wall

A cross-hilt sword old and tall –

Raise it to strike and he will call,

And the spell will fall.’

40

‘What do they here, mother of me?

I marvel much at what I see

In this kitchen to-day. What can it be?

That I here see?’

44

Надо мной сжался, мать сострадания,

Над той, кто кричит и взывает к тебе!»

24

«Не горюй, Мария земная!

Не потерялось, твое вернётся дитя.

К отшельнику отправляйся,

Что даст совет и живёт у ручья.

28

«Зачем же стучишь, зачем ты рыдаешь?

Почему ты так сильно встаёшь на мой путь?

«Не смогла я сберечь моё дитя малое,

И я аж реву».

32

«Проси смолоть желудь и притвориться

В скорлупе для хозяина и мужчин его приготовить

В полуденный час. Если ему то увидеться,

Молвит он снова.

36

И если заговорит он, на стене вашей висит

Меч с крестом-рукоятью длинный и старый -

Поднимите его на удар, и он закричит,

И спадут чары.

40

«Мать моя, делают что тут они?

Тем, что вижу, я даюсь диву

В этой кухне сегодня. Что то может быть?

Что я здесь вижу?»

44

'What wouldst thou son? – on embers hot
Meal for men in a white pot
They grind and cook, that our food be got.
Why should they not?'

48

'Mast in a shell for many men!
I saw the first egg before the white hen,
And the acorn before the oak in den –
There were strange things then.

52

The land of Brezail was fair, I trow:
I saw once silver birds enow,
And acorns of gold on every bough.
This is stranger now!'

56

'Thou hast seen too much, too much, my son!
Thy words are wild, thy looks are wan.
This sword shall make thy dark blood run,
Thou art not my son!'

60

'A! stay, a! stay thy cruel hand!
Soft thy son lay in our land,
But thou wouldst slay one who did stand
A prince in our land.'

64

'Mary on earth, what didst thou find
When thou didst look in the room behind?
In cloth of silver who did wind

«Чей же ты сын? – на горячих углях
Для людей в белом горшочке муку,
Чтоб взять нашу пищу, готовят, мельчат.
Почему не должны? Почему?

48

«Мачта в скорлупке для людей многих!
Первое я увидел яйцо пред курицей белой,
И в норе пред дубом желудь -
Тогда были там вещи чудесные.

52

Земля Брезайла² прекрасной была, я полагаю:
Уйму серебряных птиц я видел однажды,
И желуди золота на суке каждом.
Как теперь это странно!

56

«Мой сын, видел ты слишком много!
Твои слова дики, и бледен твой вид.
Этот меч заставит бежать кровь твою темную,
Ты не мой сын!

60

«А! Останови свою жестокую десницу!
Лежит сын твой тихо на нашей земле,
Но ты бы убил того, кто принца
Забросил в нашей стране».

64

«Мария земная, ты нашла что,
Когда заглянула из комнаты?
В серебряной ткани, которой

² Брезайл (О'Брезайл, Хай-Брезайл) – остров блаженных, расположенный на Западе, из кельтской и ирландской мифологий. Этимология названия точно не установлена, но в основе его лежат два кельтских слова, breas и ail, имеющих хвалебный оттенок, breas-ail можно перевести как «великолепный» или «превосходный». Одно из мест жительства Племян богини Дану, именуемых также сидами, и сравниваемых с фейри (феями) или эльфами.

The child of thine?’

68

‘I looked on my child with heaven’s bliss,
I stooped to the cradle him to kiss,
And he opened the sweet eyes of his
For me to kiss.

72

He sat him up and arms he spread,
He caught my breast and to me said:
“A! mother of me, I am late in bed!
My dream is sped.”

II

See how high in their joy they ride,
The young earl and his young bride!
May nought ever their joy divide,
Though the world be full of wonder.

4

There is a song from windows high.
Why do they sing? Light may she lie!
Yestreve there came two babes’ cry
As I stood thereunder.

8

A manchild and a fair maid
Were as lilies fair in cradle laid,
And the earl to his young wife said:
‘For what doth thy heart hunger?

Твой ребенок обмотан?»

68

«На дитя моё загляделась с небесною блажью,
Я к колыбели склонилась его приласкать,
И открыл он глаза свои милые, славные
Меня поцеловать.

72

Присел и поднял он руки из колыбели,
Поймал мою грудь, мне сказал:
«Ах! Моя мать, поздньюсь я в постели!
Сон мой умчал»».

II

Смотрите, как едут в радости высоко
Граф молодой и его молодая невеста!
Не разнимет веселие их ничего,
Хоть будь мир наполнен чудесным.

4

Из окон высоких льется песня.
Почему там поют? Молодой полегчало!
Оттуда был плач двух младенцев
Вчера вечером, как там стоял я.

8

В колыбели лежали четы сын и дочь,
Были, словно прекрасные лилии, в дрёме,
И сказал граф жене молодой:
‘Что же твое сердце гложет?

12

A son thou hast given me,
And that will I find for thee,
Though I should ride o'er land and lea,
And suffer thirst and hunger.

16

For fowl that swims the shallow mere?
From greenwood the fallow deer?
'I would fain have the fallow deer,
But I would not have thee wander.'

20

His lance of ash he caught in hand,
His black horse bore him o'er the land.
Under green boughs of Broceliand
His horn winds faintly yonder.

24

A white doe startled beneath the leaves,
He hunted her from the forest-eaves;
Into twilight under the leaves
He rode on ever after.

28

The earth shook beneath the hoof;
The boughs were bent into a roof,
And the sun was woven in that woof,
And afar there was a laughter.

32

The sun was fallen, evening grey
There twinkled the fountain of the fay

12

Подарила сына ты мне,
И я для тебя что угодно найду,
Хоть проскачу по лугам и земле,
Жажду и голод перетерплю.

16

Плывущую птицу на мелководье простом?
Из зеленых лесов бегущую лань?»
«Я бы хотела лань из зеленых лесов,
Но я не хочу, чтоб ты долго блуждал».

20

Копьё ясенное поймала графская длань,
Над землёю пронесся конь черный его.
Под ветвями зелеными леса Броселианд²
Едва его рог дует там далеко.

24

Под листьями вздрогнула белая лань,
На нее он охотился из лесных крон;
Под листьями в сумерки по следам
Ехал граф дальше, всё дальше с тех пор.

28

На земле под копытом тряслось;
В крышу ветви и сучья сгибались,
И солнце в той ткани переплелось,
И отзвуки смеха вдали раздавались.

32

Солнце садилось, в вечере сером
Фонтан фей там мерцал,

³ Броселианд – сказочный лес, прототипом которого стал самый большой лесной массив Бретани лес Пемпон (фр. forêt de Paimpont), принадлежащий французской коммуне Пемпон в 30 км от города Ренн. Броселианд известен в первую очередь как место действий средневековых легенд о короле Артуре, в том числе романа Кретьена де Труа «Ивэйн, или Рыцарь со львом».

Before the cavern where she lay,

A corrigan of Brittany.

36

Green was the grass, clear the pool;

He laved his face in water cool,

And then he saw her on silver stool

Singing a secret litany.

40

The moon through leaves clear and cold

Her long hair lit; through comb of gold

Each tress she drew, and down it rolled

Beside her falling fountain.

44

He heard her voice and it was cold;

Her words were of the world of old,

When walked no men upon the mould,

And young was moon and mountain.

48

'How darest thou my water wan

To trouble thus, or look me on?

Now shalt thou wed me, or grey and wan

Ever stand as stone and wither!'

52

'I will not wed thee! I am wed;

My young wife lieth in childbed,

And I curse the beast that long me led

To thy dark cavern hither.

Где лежала она, пред пещерой,

Бретонская корриган.

36

Зеленела трава, чистым был пруд;

Омыл лицо граф водою прохладной

И на серебряном стуле увидел её тут

Поющей литанию тайную.

40

При ясной, холодной луне пред листвою

Каждую прядь волос длинных, сиявших

Тянула, крутила она сквозь гребень златой

У своего фонтана свисавшего.

44

Услышал он голос холодный её

Со словами из древнего мира,

Когда на земле не было ни одного,

Человека, и были луна и гора молодыми.

48

«Как ты посмел сделать тусклыми вод моих глади?

Так беспокоить иль на меня поглазеть?

Тотчас возьмешь меня в жены, иль камнем

Бледным и серым застынешь, увянешь навек!»

52

«Не возьму тебя в жены! Женат я;

После родов лежит моя молодая жена,

И я проклиная зверя, что долго меня

Вёл до темной твоей пещеры сюда.

56

I will not stand here turned to stone,
But I will leave thee cold alone,
And I will ride to mine own home
And the white waters of Christendom.’

60

‘In three days then thou shalt die,
In three days on thy bier lie!’
‘In three days I shall live at ease,
And die but when God doth please
In the brave wars of Christendom.

64

But rather would I die this hour
Than lie with thee in thy cold bower,
O! Corrigan, though strange thy power
In the old moon singing.’

* * *

68

‘A! mother mine, if thou love me well,
Make me my bed! My heart doth swell,
And in my limbs is poison fell,
And in my ears a singing.

72

Grieve her not yet, do not tell!
Sweet may she keep our children well;
But a corrigan hath cast on me a spell,
And I die on the third morning.’

56

Окаменевшим здесь я не застыну,
Но оставлю я холод в покое,
И поеду я к дому моему личному,
И к христианским белеющим водам».

60

«Умрешь в три дня ты покойно,
Лёжа на личном одре в три дня!»
«Через три дня жить я буду спокойно,
И умереть, но милостью Божьей тогда,
В христианских доблестных войнах».

64

Но лучше бы умер в час этот я,
Чем лежать с тобою в беседке прохладной,
O! Корриган, хоть и странна сила твоя
В лунном пении старом»

* * *

68

«Ах! Моя мать, если искренне любишь меня,
Постели мне постель! Моё сердце волнуется,
И поразил части моего тела яд,
И в ушах моих пение чудится.

72

Не молви, её не печаль об этом пока!
Да сохранит детей наших в здравье милой она;
Но corrigan заклятье пустила в меня,
И на заре в утро третье умру я».

76

On the third day my lady spake:

‘Good mother, what is the noise they make?

In the towers slow bells shake,

And there is sound of mourning.

80

Why are the white priests chanting low?’

‘An unhappy man to the grave doth go.

He lodged here at night, and at cock-crow

He died at grey of morning.’

84

‘Good mother, say, where is my lord?’

‘My child, he hath fared abroad.

Ere the candles are set upon the board,

Thou wilt hear his feet returning.’

88

‘Good mother, shall I wear robe of blue

Or robe of red?’ ‘Nay, ’tis custom new

To walk to church in sable hue

And black weeds wearing.’

92

I saw them pass the churchyard gate.

‘Who of our kin hath died of late?

Good mother, why is the earth so red?’

‘A dear one is buried. We mourn him dead

Our black weeds wearing.’

98

They laid her beside him in the night.

76

На третий день спросила моя госпожа:

«Матушка добрая, что там за шум?

Трясутся в башнях неспешно колокола,

И разносится траура звук.

80

Почему пастыри в церкви тихо поют нараспев?»

«В могилу нисходит несчастный.

Он встал туда ночью и на заре

В иной мир ушел на рассвете ненастном».

84

«Молви, где мой господин, матушка добрая?»

«О, чадо мое, за границей он жил.

Там, где свечи на доске находятся,

Услышишь его возврата шаг ты».

88

«Мне надеть платье синее, матушка добрая?

Иль красный халат?» «Нет, обычай тот новый.

В церковь ходить в цвете соболя,

И траур носят там черный».

92

Я видел их, проходивших мимо погостных ворот.

«Кто из нашего рода умер в последнее время?

Матушка, почему земля так раскраснелась?»

«Дорогой твой схоронен. Скорбим мы о смерти его

И траур наш черный несём».

98

Ее рядом с ним ночью оставили.

I heard bells ring. There was taper light.

Priests were chanting a litany.

Darkness lay upon the land,

102

But afar, in pale Broceliand

There sang a fay in Brittany

Слышал я звон колокольный. Горела свеча.

Священники пели литанию.

Тьмою накрылась земля,

102

Но вдали, в бледном Броселианде

Распелась фея в Бретани.

Rosalind Ramage

One spring afternoon,
Like a balloon,
Fair Rosalind
Was blown by the wind,
Till she was high
Up in the sky.
Then she looked down
And below saw a town:
Very small, very grey
Among green it lay.
«What can that be,
I wonder?», said she.
«No use at all
For hobbits, too small
For the tiniest gnomes
If they wanted homes
Up above ground».
She heard then a sound
From far under of bells.
«Why, that must be Wells,
When the funny clock chime,
And at meal-time
The swans come and ring!
What a good thing,
At least I now know
Where I am! I must go.

Розалинд Рэмидж¹ (1963)

Весной в канун полудня,
Как шар воздушный,
Прекрасная Розалинд
Унеслась ветром в бриз,
Не умчалась пока
Высоко в небеса,
Затем вниз посмотрела
И город там углядела:
Очень маленький, серый
Он лежал среди зелени.
«Что быть там может,
Интересно?», - та молвит.
«В нём нету толка
Маленьким хоббитам,
Крохотным гномикам,
Если б хотели те домики
Над землей наверху».
Следом услышала звук,
Вдалеке гул колоколен.
«Как? Там Уэлс быть должен,
В часовой звон потешный,
И к поре трапезной
Лебеди кружат, летят!
Вот уж чудно как,
Хотя б знаю я,
Где я! Идти мне пора.

¹ Розалинда Рэмидж – адресат одного из писем Толкиена, юная читательница его повести «Хоббит», которой он посвятил небольшую поэму. Впервые поэма была опубликована в рукописном виде в сборнике «Толкиен: создатель Средиземья» («Tolkien: Maker of Middle-earth») в 2018 году. За этим экстраординарным подарком, сделанным в ответ на вроде бы обыкновенное письмо поклонницы, скрывается целая история. Розалинд Рэмидж

It's time for my tea.

But, o deary me,

How shall I get there

Without ladder or stair?»

«You'll never be missed!»

The cold wind hissed,

Only his joke,

For just as he spoke

He let her gently go,

Fluttering slow

Like a swan's feather

In spring-weather.

Down she come without damage:

Rosalind Ramage!

Время чая пришло.

О, мой дорогуша, но

Как дойти туда целенько

Без стремянки иль лесенки?»

«Не хватятся сроду тебя!», -

Хладный ветер свистал.

Но он шутил только,

Ибо лишь молвил,

Отпустил ее нежно,

Махая неспешо,

Как лебедя опереньем,

В погоду весеннюю.

Без вреда сошла она вниз:

Розалинда Рэмидж!

была дочерью бывшего оксфордского швейцара в Мертон-колледже, в котором Толкиен был профессором английского языка и литературы. В «Семейном альбоме Толкиенов», созданном двумя из детей Толкиена, написано, что мистер Рэмидж, тогда ещё холостой, добровольно вызвался отработать все рождественские смены, чтобы остальные привратники смогли провести праздники со своими семьями. Услышав об этом добром поступке, Толкиен под Рождество прикатил на велосипеде в колледж, захватив для него бутылку вина в подарок. Застал он его за усердной подготовкой к поступлению в университет. Джеймс Рэмидж прошёл курс обучения английскому языку в Баллиол-колледже Оксфорда в 1951–1954 гг. К тому времени как его маленькая дочь написала Толкиену, он уже был учителем в Кафедральной школе в городе Уэлс, графство Сомерсет.

Толкиен был знаком с этим городом и написал в письме Розалинд: «Я не был в Уэлсе с 1940 г., но надеюсь, что часы и лебеди всё ещё трудятся». Это было отсылкой к астрономическим часам кафедрального собора (одним из старейших в стране) и лебедям, которые жили, и до сих пор живут во рву, окружающем Дворец епископа, и которых приучили звонить в колокол, чтобы получать еду. И то, и другое Толкиен включил в стихотворение, прилагавшееся к письму».

Narqelion

Nalalmino lalantila

Nesúme lasser pínea

Ve sangar voro úmeai

Oikta rámaivoite malinai.

Ai lintulind(ov)a Lasselanta

Piliningwe súyer nallar qanta

Kuluvai ya karnevalinar

V'ematte sinqi Eldamar.

San rotser simpetalla pinqe,

Súlimarya sildai, hiswa timpe

San sirilla ter ialdar:

Lilta lie noldorinwa

Ómalingwe lir' amaldar

Sinqitalla laiqaninwa.

Nalalmino hyá lanta lasse

Torwa pior má tarasse:

Tukalla sangar úmeai

Oikta rámaivoite karneambarai.

Ai lindórea Lasselanta

Nierme mintya náre qanta.

Осень¹ (1915 - 1916)

С вяза, кружась на ветру,

Падают листья, один за одним,

Большие, вертясь на лету,

Желтыми стаями птиц.

О! Как ласточки, падают всё. И кружа,

Перьями так воздух наполнен

Златыми и оранжево-желтыми,

Самоцвет Эльдамара не вспомнить нельзя.

Свою играют там трубы музыку тонкую,

Видны колонны жемчужные стройные,

В то время идет тусклый ливень,

Хотя под древами эльфы,

Танцую, поют песни нежные

Сверкая зеленым и синим.

Листья с вяза здесь падают,

В ветвях боярышника темно-бурые

Ягоды манят огромные стаи

На лету птиц красногрудых.

О! Напоминает с песнею на заре осень

Мне то, что полно печалью и горем.

¹ Первое стихотворение Толкиена, написанное на квенья в ноябре 1915 - марте 1916 годов. На английский было переведено Кристофером Гилсоном.

Glip

Under the cliffs of Bimble Bay
Is a little cave of stone
With wet walls of shining grey;
And on the floor a bone,
A white bone that is gnawed quite clean
With sharp white teeth.
But inside nobody can be seen –
He lives far underneath,
Under the floor, down a long hole
Where the sea gurgles and sighs.
Glip is his name, as blind as a mole
In his two round eyes
While daylight lasts; but when night falls
With a pale gleam they shine
Like green jelly, and out he crawls
All long and wet with slime.
He slinks through weeds at highwater mark
To where the mermaid sings,
The wicked mermaid singing in the dark
And threading golden rings
On wet hair; for many ships
She draws to the rock to die.
And Glip listens, and quietly slips
And lies in shadow by.
It is there that Glip steals his bones.
He is a slimy little thing

Глип¹ (1928)

Под утесами бимблейского залива
Есть некрупная из камней пещера.
Стены серые блестят там сыро,
И усеян её пол костями белыми,
Все обглоданные до конца
Белыми и острыми зубами.
Но внутри никого тут не видать —
Глубоко живет внизу он подо скалами,
Вниз под дно пещеры длинная нора
Уходит, где журчит и дышит море...
Имя его— Глип, и слепы, словно
У крота, его округлых ока два,
Длится свет дневной пока, но ночью
Тусклым светом те сияют —
Он на ил зеленый сам похожий.
Длинный и весь мокрый в слизи вылезает.
Проползает у воды отметок чрез бурьян
К месту, где поет русалка в темноте.
Злобная русалка голосит во тьме,
И плетет золотые кольца в мокрых волосах,
Много кораблей та потопила,
Погубила, утянув на скалы.
Слушает Глип ту, скользит уж тихо,
И ложится среди тени рядом.
И отсюда кости Глип крадет.
Тварь он мелкая и скользкая, лихая,

¹ Стихотворение, повествующее об очередном герое домашнего фольклора семьи Толкиенов. Датируется по-разному, наиболее правдоподобный год создания — 1928. Исследователи творчества Толкиена считают Глипа прототипом Голлума.

Sneaking and crawling under fishy stones,
And slinking home to sing
A gurgling song in his damp hole;
But after the last light
There are darker and wickeder things that prowl
On Bimble rocks at night.

Что крадется под камнями рыб, ползет.
И он пробирается домой так, напевая,
Булькать песенку свою в сырой норе.
Но когда совсем уж затемнеет,
Рыщут у ночных скал Бимбла в той поре
Твари почернее и позлее.

Bagme Bloma

Brunaim bairiþ bairka bogum

laubans liubans liudandei,

gilwagroni, glitmunjandei,

bagme bloma, blauandei,

fagrafahsa, lipulinþi,

fraujinondei fairguni.

Wopjand windos, wagjand lindos,

lutip limam laikandei;

slaihta, raihta, hweitarinda,

razda rodeip reirandei,

bandwa bairhta, runa goda,

þiuda meina þiupjandei.

Andanahti milhmam neirip,

liuhteip liuhmam lauhmuni;

laubos liubai fliugand lausai,

tulgus, triggwa, standandei.

Bairka baza beidip blaika

fraujinondei fairguni.

Цветок деревьев¹ (1936)

На ветвях блестящих и славных,

Бледно-зеленых, как та растет,

Береза носит листья прекрасные,

Цветущих деревьев цветок,

Гор сударыня тонкорука,

Прекрасна и белокура.

Ветры ныне зовут, шевелятся мягко,

Она ветви свои в игре опускает.

Прямая, и с корой белая гладкая,

Дрожащий язык она изрекает.

Великая тайна, знак яркий она,

На людей моих благословение та.

Облаками небо в сумерках скрыто

С молнией снова сверкает.

В то время, как стоя верно и сильно

Прекрасные листья её взлетают,

Береза там будет ждать, белая, голая,

До сих пор хозяйка нагорья.

¹ Стихотворение, написанное Толкиеном на готском языке. Входит в его сборник «Песни для филологов», опубликованный в 1936 году.

Me'tima markiryā

Man kenuva fa'na kirya

me'tima hrestallo kḡra

i fairi ne'ke

ringa su'maryasse

ve maiwi yaimie"

Man tiruva fa'na kirya,

wilwarin wilwa,

e"ar-kelumassen

ra'mainen elvie",

ea"r falastala,

winga hla'pula,

ra'mar sisi'lala,

ka'le fifi'rula?

Man hlaruva ra've"a su're

ve tauri lillassie",

ninqiu karkar yarra

isilme ilkalasse,

isilme pi'kalasse,

isilme lantalasse,

ve loiko-li'kuma;

raumo nurrua,

undume ru'ma ?

Man kenuva lumbor a-hosta,

Menel akuna

ruxal 'ambonnar,

ea"r amortala,

Последний корабль¹ (1930)

Кто челн увидит белый,

Покидающий берег последний,

Призраков бледных неясных

В его хладном лоне,

Как чайки, плачущих?

Кто на белый корабль посмотрит,

Бабочки бьющей в мгновении

В морском кипении

Крыльями, звездам подобным,

На бурлящее море,

На пену летящую,

На крылья сияющие,

На свет умирающий?

Кто услышит ветер шумящий,

Как многолистные чащи,

Белые рифы, рычащие

В свете луны мерцающей,

В свете луны затухающей,

В свете луны западающей,

Мертвых свечу напоминающем,

Бурю ревущую,

Бездну трясучую?

Кто увидит, что тучи сходятся,

Небо, что клонится

На холмы обрушаемые,

Море вздымаемое,

¹ Стихотворение на эльфийском языке квенья, приведенное Толкиеном в докладе-статье о языкознании «Тайный порок» (1930).

undume ha'kala,
enwina lu'me
elenillor pella
talta-taltala
atalante"a mindonnar
Man tiruva ra'kina kirya
ondolisse morne
nu fanyare ru'kina,
anar pure"a tihta
axorikalannar
me'tim ' auresse?
Man kenuva me'tim ' andu'ne?

Мглу разверзаемую,
Древнюю темень,
Из-за звезд в небе
Нисходящую
На башни павшие?
Кто на разбитый корабль посмотрит
На камнях черных
Под небом разодранным,
На плавное блеклое солнце
По костям, что белеют
На день последний?
Кто закат увидит конечный?

Earendel

San ninqeruvissse lútier
kyriasse Earendil or vea,
ar laiqali linqi falmari
langon veakyrio kirier;
wingildin o silqelosseen
alkantaméren úrio
kalmainen; i lunte linganer,
tyulmin talalinen aiqalin
kautáron, i surú laustaner.

Эарендил¹ (1930)

Эарендил плыл на белом коне
По морю свой путь устремил на ладье,
И волны зеленые моря
Рассекались носом челночным.
В волнах девы пены плескались
С белоснежными волосами,
Что в солнечном свете сверкали;
Гудела ладья струной арфы;
И ветра напор ладьи мачту сгибал,
Что парус белой ладьи наполнял.

¹ Стихотворение на эльфийском языке квенья, приведенное Толкиеном в докладе-статье о языкознании «Тайный порок» (1930).

Nieninqe

Norolinde pirukendea
elle tande Nielikkilis,
tanya wende nieninqea
yar i vilya anta miqilis.
I oromandin eller tande
ar wingildin wilwarindeën,
losselie telerinwa,
tálin paptalasselindeën.

Подснежник¹ (1930)

Танцую на кончиках носков грациозно,
Туда пришла Ниэле маленькая,
Та дева, подснежнику подобная,
Кому лобзанье воздух дарит сладкое.
Туда пришли и духи гор,
И феи пены, бабочкам подобные,
Народ белоснежный эльфийских берегов,
С поступью, созвучной листопадной мелодии.

Перевод Булата Асатуллина

¹ Ранняя версия одноименного стихотворения 1955 года на эльфийском языке квенья, приведенная Толкиеном в докладе-статье о языкознании «Тайный порок» (1930).